

Эрих Глагау

Д-Р ЯНКО ЯНЕВ



Берегите природу! Иначе вы убьете сами себя!

«Миссия Германии вообще всегда состояла в том, чтобы спасти Европу от гибели. Это просто ее задача в мировой истории».

Д-р Янко Янев

Выражаю благодарность моему молодому болгарскому другу Антону Рачеву, который «познакомил» меня со своим земляком д-ром Янко Яневым и дал мне толчок к этой работе!

Выражаю благодарность госпоже д-ру Хельге Ляйнвебер, которая искала для меня книгу «Dämonie des Jahrhunderts», нашла и подарила ее мне!

Собственное издательство Эрих Глагау, Бетховенштрассе 14, D-34225 Баунаталь, телефон и факс 0561/4912850

Перепечатка разрешена!

Д-р ЯНКО ЯНЕВ

Попытка отдать дань уважения этому великому болгарину и европейцу, который был убит в Дрездене 13 февраля 1945 года террористическими бомбардировщиками союзников.

Краткая биография

Янко Янев родился 13.12.1900 в городке Пештера, недалеко от Пловдива. В 19 лет он опубликовал уже три сборника своих стихотворений:

1918: «Грех и печаль»;

1918: «На север»;

1919: «Стремления».

В 1919 году Янев уехал в Германию, чтобы изучать драматургию, но затем перешел на факультет философии. До 1923 года он был студентом в Лейпциге, Фрейбурге и Гейдельберге. Его докторская диссертация называлась «Жизнь и сверхчеловек» (1923).

Затем он возвращается в Болгарию и работает в университетской библиотеке в Софии. Его литературные произведения в это время:

1926: «Антихрист»;

1927-28 две книги о Гегеле;

В 1928-32 годах выходят последующие произведения.

Его самый важный труд был опубликован в Болгарии под названием «Героический человек».

По приглашению правительства Германского Рейха д-р Янко Янев приезжает в Берлин, чтобы читать лекции в Берлинском университете. Он любит Германию и остается здесь, оставаясь при этом верным своей родине. В 1942 году он принимает участие в конференции «Новая Европа» в Дрездене и делает на ней доклад под названием «Душа Европы».

13 февраля 1945 года союзники своими террористическими бомбардировщиками убили этого выдающегося европейца вместе с сотнями тысяч немецких граждан в Дрездене. [Прим. ред. БВС: Читайте на эту тему книгу [Джорджа Фаулера «Дрезденский Холокост»](#).]

* * *

Болгары, которых называли «**пруссакми Балкан**», пользовались большим уважением среди народов Европы. Подтверждение этому можно получить из книги д-ра ЯНКО ЯНЕВА

ДЕМОНИЯ СТОЛЕТИЯ

Она вышла в 1939 году в издательстве Heligsche Verlagsanstalt в Лейпциге.

Язык философа не всегда можно легко понять из-за его собственных определений понятия. Иногда мне приходилось пробираться как бы на ощупь, так как для меня это была незнакомая область. Тем не менее, Янко Янев вопреки недостаточности языка смог выразить все то, что его волновало внутри, ввиду величины потрясения. И я, стоило мне лишь немного углубиться, тоже вполне смог воспринять как свои те чувства, которые волновали этого философа.

Его очень сильно удручало состояние определенной христианством истории европейского Запада. Ему было очень жаль, что самобытный, близкий к природе, любящий жизнь европеец индогерманского происхождения в результате перевоспитания его ближневосточным христианством иудейской формы за 2000 лет превратился в нечто противоположное и даже сменил свою полярность. Он отвернулся от природы, стал отрицательно относиться к жизни, был обременен чувством вины, отдан во власть жестокому богу, стал антинародным, научился унижаться и признавать «избранность» одного маленького ближневосточного народа.

Янев был глубоко потрясен тем, что европейский человек этого разложившегося мира из-за искусственных образов представления уже утратил как инстинкт, так и способность чувствовать опасность. Это выглядит так, как будто человек простился с природой.

Изначально, начиная со своего **появления**, человек был именно «встроен» в природу. Гетерогенными, искусственными, противоестественными догмами, но как раз поэтому **принужденный (!) к вере**, человек испортился в своей душе, и отдалился таким образом от своей жизненной основы.

Д-р Янев сожалеет о расплывчатости волнения инстинкта по отношению к природе и к теоретическому религиозному понятию мнимой науки веры. В этом он видит несчастье теологического интеллектуализма. Можно говорить о **чем-то вроде помрачения разума духа**, если раскрыть труды современных теологов об их познании и оправдании веры, о церкви и язычестве. Какие положительные чувства могут вызвать в душе такие самые употребительные слова как «**избавление**», «**милость**», «**смерть**» и «**грех**»? Ведь сами эти понятия ведут себя по отношению к **дару жизни отталкивающе, недружелюбно**. Индогерманский, европейский человек **именно в силу своего происхождения является жизнеутверждающим, одобряющим и любящим жизнь!**

Мы не в состоянии сказать, как формировалось более раннее язычество. Это также не очень важно, так как мы не думаем о его реставрации. Язык врагов язычества довольствуется «почитанием идолов», «идолопоклонством» и иными словами такого рода. Мы сегодня пытаемся такими понятиями как «**раса**», «**кровь**», «**целостность жизни**» обозначить область сущности индогерманского мировоззрения и связанности с традицией, со сказаниями и обычаями. Они – не только всеобщие привычные понятийные структуры, а всеохватывающие **переживания**, которые обуславливали **ритм жизни предков**.

Янев видит все последствия будущей борьбы за [преодоление христианства](#): Это ведет к страшной встрече, в которой происходит последний конфликт между **человеком и церковью**, между **исконным чувством и догмой**, революция заново создающего и определяющего самого себя мышления, гнева против обманчивой видимости и ясного **НЕТ!** Он ожидает **ликования освобождающихся из плена Иеговы европейцев!**

Также язык восточной «религии» чужд в его вечных «откровениях», в словах которых лежат образы Ничего и разорванные и вздыхающие звуки. Во всем не хватает **естественной силы близкого к природе человека**. В каждом христианском слове дрожит душа Европы.

Янев видит также на лицах обремененных христианством людей характерный взгляд, морщины на лбу и сжатые губы как признак принятого вечного проклятия. Это лицо вечного раба, который, однако, жаждет свободы. Только [нордический человек](#) до сегодняшнего дня не потерял своего лица: он ближе к

истоку, сувереннее! Даже в эпохи ужасного опустошения во имя ближневосточного креста он чувствует крик снова вспоминающего о своей близости существования западноевропейского человека.

На протяжении веков вопреки безусловному воспитанию безусловной **покорности** и **послушания** можно почувствовать протест против провозвестников **мнимой неполноценности** естественного человека в области индогерманских наследников. Янев видит основы в ландшафте: Темные горы создают богов как стражей крови; они – не трансцендентные фигуры, а живой миф, в котором народ воплощает чувство чистоты своего духа и неприкосновенность своих добродетелей. Самые прекрасные сказания о героях связаны с горным ландшафтом, в то время как **молитва** и **псалом** возникли в **зловещей пустыне**. **Церковь** – это **учреждение пустынного ландшафта**, в котором человек чувствует себя чуждым природе и чуждым духу времени.

Также Ницше пишет: Иисус Христос был возможен только в еврейском ландшафте, над которым постоянно висело мрачное грозное облако гневающегося Иеговы.

У каждого человека есть его корни в законе живой особенности его окружения, в ритме природы, которая живет вокруг него. Янко Янев рассказывает о его родных балканских горах между Азией и Европой. Он любит Болгарию, и он мечтает о ней, так как он чувствует себя одним целым с этой природой. Он сожалеет о господстве Востока. Айя-София недалеко. Всюду страх и дрожь. Тем не менее: в этом **мире господствуют силы, которые не может понять ни один образованный иезуит и ни один реформатор церкви**. Это опыт вездесущего, тайны гордого ландшафта, единства воли и вершины, мысли и высоты. Тогда проявляется спокойствие, великое всемирное спокойствие: Человек освобождается от памяти о своем бессилии. Всюду, где племя срослось с ландшафтом ущелий и скал, сохраняется магический корень души, сущность рода, культ языка и бесстрашного. Человек здесь – это древний страж крови и ее тайны.

В отличие от этого безразличный к судьбе мир крупного города патологически болезненный и нервный. **Большой город** – ближневосточный по своему характеру, он торговый, **беспокойно агасферский** (не находящий себе места как «Вечный жид»); его происхождение нужно искать на Востоке, на родине международного ростовщичества, менял, векселей и международного капитала. **Большой город** современного мира, в том виде, в котором он существует теперь, не имеет никакого лица, так как он **лишен ландшафта**; он труслив, так как он наполнен ворами **мыслей**, колдунами и **мастерами духовной бедности**. Большому городу не хватает сельского примитивизма, предчувствий и представлений **связанного с родом человека**, простоты и самоочевидности **элементарного мировоззрения**. Прогресс, наука разделяли сознание человека со связанным с Землей. Если ставший нейтральным в

национальном и историческом отношении горожанин снова тосковал по природе, то он делал это из-за отчаяния в своем собственном бессилии и своем внутреннем обеднении. В природе он находил идиллии, ландшафт счастья, отдыха и отвлечения. Из этого ландшафта возникли сентиментальная поэзия и современный туризм.

После прорыва христианской **проповеди потустороннего** Запад **утратил** всякую связь с **несущим их ландшафтом**, который характеризует историческое образование формы арийских народов, как она выражалась сначала в Иране или у лесных племен Севера. Последними носителями переживания ландшафта в языческой Европе были германские племена, которые пытались основать свои государства на земле римлян.

Евангелие вообще **чуждо природе**, как и все Средневековье и все его олицетворения бегства от временного и чувственного и также, как все другие культуры, которые возникли под ближневосточным влиянием. **Христианство** знает только бесцветную и усталую неестественность людей, **нуждающихся в милостях**.

То, что принуждало Лютера протестовать, было внутренним импульсом к решению на границе двух различных эпох западноевропейской истории. Только Лютер мог действовать так, только этот инстинктивный революционер и клеветник. Фигура Лютера обусловлена волей к решению; он хочет чего-то, и он совершает что-то. Поэтому голос Лютера как громогласный призыв воздействует на протяжении веков вплоть до наших дней. Не потому, что этот голос произносит правду, последнюю истину, а потому, что он исходит из первоисточника, из того всеохватывающего волнения, которое связано с инстинктом личной самореализации, а не только с программой преобразования какого-нибудь учреждения, так как оно как раз и есть крик последнего одиночества западноевропейской души. У нас сегодня отсутствует дерзость, побеждающее пророчество поворота, переживание часа судьбы, который близится.

Тот, кто сегодня хочет быть философом, должен уметь презирать и бороться, причем именно из непреклонной внутренней необходимости. Это акцент разбойничьего в философии каждого времени пробуждения вообще, не только нашего времени. Это безрассудство и стремление к авантюрному, желание иронии и развенчивания, что воодушевляет нового философа и засыпает его идеями, которые как молния освещают мир вины. Тот, кто философствует сегодня, должен думать не только об ионийцах, шутивших, когда они говорили об истинном, но и о Сократе, о диалектике насмешки. Благодаря иронии раскрывается проклятое и лицо проклятого.

В переводе с часто употребительного, несколько извилистого языка философа, Янко Янев говорит:

Тот, кто думает, что, оставив свою (ближневосточную) «веру», он окажется перед пустотой Ничего или в этой самой пустоте, тот в действительности с концом своей «веры» вновь возвратился к исконной «правере».

Здесь, однако, нужно определить понятие «веры» понятно для всех: Так как вера может содержать только то, что человек не знает, то ею по отношению к легковверным людям **злоупотребляли** до наихудших пороков, вплоть до преступлений. Тем не менее, это настолько укоренилось, что человек, который утверждал, что не имеет **«веры»**, рассматривался почти как **чудовище**. Поэтому автор употребил слово «правера» для более легкого перевода.

Он понимал под этим возвращение **освобожденного** человека к естественной цельной, пробуждавшей существование, тесной связи с природой, т.е. отрицание как освобождение обманутого, отвергнутого. Он осознал, что **придуманный «Бог» уже достаточно говорил на протяжении тысячелетий, и, несмотря на это, не смог убедить.**

Янев напоминает о таких знаменитых людях, как Лютер, Кант, Гегель, Гёльдерлин и Гёте, которые вели борьбу против ближневосточной «религии». В зависимости от глубины вбитой в них религии насилия они более или менее смогли освободиться. Также духовная революция реформатора Лютера исследуется критически. Причем тогдашний дух времени иудейского (Моисеева) христианства с его претензией на абсолютность нельзя оставлять без внимания. Ибо они как люди как раз несли на себе отпечаток своего времени. Поэтому деятельность Лютера также могла остаться только незаконченной работой. К концу жизни Лютер прекрасно понимал, какую громадную работу еще нужно будет сделать, чтобы помочь немецкому народу прийти к его свойственной ему по природе «вере». Наконец, остается только один вывод: **«Религия» означает не очищение духа, а его затемнение!** Она – массовая вера, массовое спасение и массовое успокоение. Она касается вопроса укрощения личности, которая отказалась от себя самой, после покорения инстинкта, который больше не остался верным природе. Это вопрос об организации «верующих» и надеющихся.

С этой точки зрения [христианство](#) – это религия. Оно возникло из пропаганды ожидания. Оно призывало массы к волнению, подрывало царство крестьянской действительности. Не случайно корни **христианства** находятся **в Израиле**; оно переняло метод агитации, стиль синагоги и **господство с помощью страха.**

Противоречат природе одобрение униженного, прославление слабого человека, который всегда чувствует себя наднациональным, призыв к «братанию» народов и возбужденное волнение прощения, драма приближающегося суда, заговор черни во имя Бога мести против господствующих и верных своему роду. Апостольское понятие «стад» коренится в этом призыве к массе.

Христианство – это разрыв в истории арийской жизни, корни которой находятся в совсем другой почве. Это самое большое событие в истории, **всемирный сатанизм Востока!** Это самый сильный и самый насильственный акт **разложения** изначального **содержания жизни, унижение духа,** который должен был отказаться от права на свое уверенное в себе формирование. Ничего из исконно древнегреческого не попало в христианское представление о спасении. Эллинизм (культура древних греков) был перенят этой проповедью только через фальсифицирующий и эксплуатирующий все чуждое средиземноморский иудаизм. К платоновским идеям эллинистический иудаизм относился на самом деле с тем же презрением, с которым он из-за своего расового инстинкта и своей ненависти относился к любой другой власти и формированию арийского в течение всех более поздних столетий, снова и снова стремясь к тому, чтобы сделать Афины центром своих товарищей по расе, Пифагора – ученым писаний, Платона – учеником Иеговы, Рим – местом откровения его призвания и концом цезаризма. Отец церкви Тертуллиан осознал это и сказал: «Что общего у Афин и Иерусалима?»

Янев говорит о философии Гегеля: Гегель совершил ошибку, сделав происхождение европейского из азиатского иудаизма исходным пунктом своей философии истории духа. Как раз предчувствие первичности творческого, создающего мир духа Гегель не выразил, так как он чувствовал себя **связанным с христианским учением.**

(Этим можно объяснить и дальнейшее развитие, что, например, те, кто некогда восторгались марксизмом и коммунизмом, не воспринимают сегодня этот путь «иудаизм -> христианство -> коммунизм», а хотят интуитивно понимать именно христианство как идеал для человечества, который не имеет ничего общего с иудаизмом).

Подчеркну еще раз: **Христианство** возникло из **лишения святости, осквернения арийского бытия,** пишет Янко Янев!

При проведении христианства в жизнь боролись две силы. Во-первых, сила никогда не связанного с жизненным благородством человека с Востока и, во-вторых, близкая к природе сила статичных людей, никогда не знавших посоха странника. Победил дух пустыни, так как он все время был сильнее как самодоступный дух мифа. Всегда масса, а не народ, религия, а не сказание должны были побеждать. Галилеянин знал это и поэтому ссылался не на миф, а на инстинкт переднеазиатского человечества. Еще лучше знал это Павел, который сделал свои массовые собрания собраниями заговорщиков против арийской всемирной мысли. С заката мифа началось триумфальное шествие провозглашения христианства. Массы проникали в развитие народов и опустошали все, что пыталось жить, сохраняя свой вид.

Так дошло до уничтожения последних культовых связей между **человеком и жизнью**. То, что в западноевропейском мышлении миф больше не может ощущаться – это причина того, почему мы становились все слабее в мышлении, пока мы не упали до своего рода святой тупости.

Общающийся с мифом человек живет в познающем самого себя центре и не должен ожидать мессианской помощи и взывать к ней. **Он осуществился и живет в осуществлении природы, частью которой он является.**

Христианство, которое произошло из азиатской агонии тоски, застревает в неизбежном и разорванном. Это неосвобожденная страсть **христианской веры**, повторяющаяся **печаль Иова**. Христианин каждый момент оказывается в **трудностях**, так что он вынужден прибегать то к одной **проповеди милости**, то к другой.

В этом кроется огромное **различие** и противоречие с настоящим, **обусловленным природой** заданием **осознанно живущего человека**:

Взять в свои руки жизнь естественными средствами, которые предлагаются ему, и формировать эту жизнь! Внушенная воображаемая помощь, рожденная иногда в однозначно безнадежной пустыне, никогда не может быть вызвана волшебным образом, если вы будете принимать желаемое за действительное или умолять о милости. Те, кто, с одной стороны, заманивают людей райскими желаниями и, с другой стороны, угрожают им адскими мучениями, точно **знают бесполезность** своей аргументации, но они **могут записать на свой счет земные** успехи своего нравственного **обмана**.

Это противоречие основано на бессилии их воображаемого Бога. Для человека христианское представление о спасении является трагедией. Оно ведет к тому, что человек из-за внушенных в проповедях, похожих на мираж иллюзий пустынной религии отдалается от своего **естественного** задания в жизни. В конце концов, люди становятся калеками, в духовно-психическом и в физическом отношении. У них больше нет тех способностей, которых требует жизнь. Религиозная иллюзия заставляет их как в радостном трансе прозябать вне настоящей жизни.

Весь мир противоречит этому. Самодельный «Бог» – это жертва его праволи (изначальной, древнейшей воли), его плана творения, его попытки сделать **грех основой порядка существования**.

Как Бог не слышал Иова, так и человек также не слышит своего «Бога». В принципе, человек остается одиноким. Симулируемая связь между немногими людьми и Богом несколько тысячелетий назад не оставила никакого воздействия. Лишь химеру, отчуждающую человека от его дарованной вселенской природой жизни. Неограниченная воля к жизни, к действию, которое означало

реализацию жизни, зачахло. В этом **беспомощном положении** находится человек, с тех пор как он **отдалился** от индоарийского **смысла жизни**.

*

Преобразился ли мир на Сионе или на Голгофе, начинается ли время с предсказаний до Исхода и странствий евреев или же с креста и послания апостола Павла, это праздный теологический вопрос. Так как вообще не существует никакой пропасти между Ветхим и Новым заветом, между храмом Бога Иакова и наполненной духом Павла церковью. Христианское учение о спасении – это результат начавшейся в Ветхом завете истории божественного откровения. Иисус подтверждает это: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». И поэтому Павел говорил, что **закон заканчивается Христом**.

На самом деле закон не заканчивается. **Светский закон вечен. Еврейский закон придуман** для того, чтобы привести к исполнению не историю человечества, а историю пророков, чтобы освободить дорогу к **власти над народами**.

Исполнение, т.е. преодоление всех преград для триумфального шествия Израиля должно было наступить, как оно было подготовлено уже на горе Сион, где Яхве рычал и гремел. Самое важное состоит в том, что история творения вплоть до откровения выражает линию еврейского всемирного развития. Эта история не могла закончиться исконным прапроклятием и трубами перед воротами Иерусалима. Она неизбежно направлялась к **евангелию**, для выполнения последнего задания, к ликованию ближневосточной души: «Царство Бога существует! Это царство твое!»

Задание провозглашения этого учения Павлом как раз и состояло в том, чтобы обосновать, что Христос – это конец заключенного на горе Синай союза и начало нового союза. И что этот новый союз представляет собой **на самом деле продолжение** старого союза и делает возможной всемирную действительность, всемирное преобразование в духе благочестия Израиля. Еврейство предвидело, что его предопределение не осуществилось бы в старом союзе с господином всех народов и царств мира, а что оно добилось бы окончательной победы только через евангелие. Только с евангелием пробилось настоящее послание всемирного Иуды. И на этом основывается еврейское решение: **Христианство – это иудаизм для неевреев**.

*

Основной мотив Ветхого завета стал через евангелие Назаретянина заветом для Запада. Поэтому Павел – это настоящий обновитель еврейского завета и создатель нового союза, который так же основывается на святой тирании боготца. **Страх** подготавливает **путь христианству**. Это основное переживание

слабости, **бегство от жизни**. Это конец надежды на самого себя и на жизнь. Сакральный страх возникает, если человек подходит к концу, к своему собственному концу; если он больше не уверен, и если он тонет в пустоте. Дух умирает, если страх прорывается, так как тогда говорит уже не человек, а еврейский Бог. Ожидание милости – это **драма страха**, избавление от страха собственной враждебности к существованию. Из этого развивалась религия первородных грехов до **роковой** фразы Лютера: «**Человек определен (предопределен) к греху**» и вплоть до сегодняшней теологии.

Страх владел переднеазиатским пространством, так что даже другие народы отказывались от своих расовых ценностей и больше не терпели уверенное в себе, героическое мировоззрение. Янев не видит никакой другой причины, которая осуществила этот великий распад обусловленного кровью жизнеописания, кроме как прорвавшееся чувство страха. Поэтому здесь больше не господствовал народ или живая, закрепившаяся в своей собственной области сущности держава, а международный сброд, первая всемирная буржуазия и еврейство больших городов, которое только тогда приступает к наступлению, когда основывающиеся на народном духе и расе организмы доводятся до **разложения**.

*

«Борьба с чужим Богом» – так озаглавливает Янев одну из глав своей книги.

Нет ничего более тяжелого и более невыносимого также для павшего человека, чем самому находиться в состоянии беспощадности. Это проклятие, которое лежит в разрушающих всю автономию и всю судьбоносность словах: «**О, человек, кто же ты такой, что ты противоречишь Богу?**»

Здесь началась теология протеста Мартина Лютера, теология де-демонизации застывшего оцепенения и всемирного страха. Однако, он зависит от Бога дали и от Бога близости. Как все его предшественники и учителя превосходства создателя Лютер также **не мог освободиться от** магии ветхозаветного понятия гнева и от абстрактного установления **зависимости от греха**. Это основная мысль традиции **теологии ничтожности** всего этого религиозного мира. При этом он ссылается не только на грешных людей, которые должны молчать и трепетать перед Богом, а на всех живых существ; все «пожраны» Богом и «сделаются пеплом и пылью». Это будет божественным великолепием только как вражда, как отвращение по отношению ко всем существам. **Наказание**, которое категорическое и неизбежное, это настоящая **сущность Бога**.

Однако существенный поступок Лютера состоит в стремлении к преодолению ветхозаветного понятия существования и в новой приобретении индогерманского взгляда на Бога. Это акцент германской интерпретации абсолютного, отмены только потустороннего и пугающего. Личность Лютера покоится в

стремлении объяснять евангелие как основу порядка спасения, а не как следствие иудейского сказания о творении. Это значит, что Лютер ищет не Бога во Христе, а Христа в Боге. Мысль, что только Христос может связать мир с небом (раем), это решающий момент в учении Лютера.

Янев осознает намерение Лютера: Он хочет найти Бога в Боге, примиренном с миром, в появляющемся и говорящем, соболезнующем и обусловленном судьбой Боге. Это смысл его евангелия, его преобразования традиционной религии Востока. Точка зрения Лютера такова: Как Бог, Христос является человеком, и как человек он – истинный Бог. Вместе с тем Лютер отбрасывает **ближневосточный** религиозный смысл и больше не ищет Бога вне реальности сущего. Вместе с тем не Бог, а человек – самое решающее. Его христология невообразима без понятия человека. Это настоящий революционный момент в учении Лютера.

Точка зрения Лютера, тем не менее, не свободна от теологических традиций. Как измена западноевропейской миссии и мировоззрению германского стиля звучат его слова: «Проклят будь, как говорится, что плоть Христа рождена из плоти... Он по природе дитя Марии, но имеет, все же, духовную плоть... в ней живет святой дух и его плоть полностью проникнута духом».

Лютер становится неверным себе самому, если он думает позже, что не видит Христа больше как человека. Лютер не освободился от страха и трепета перед превосходством фарисейского Бога. Также этот титанический человек был охвачен ближневосточным психозом ничтожности. Внутренняя борьба не заканчивается. Последнее решение Лютер так и не принял.

*

После Лютера мир не выглядит другим. Израиль, кажется, победил мир и народы. История Европы подобна непреодолимому наступлению против **ошибок веры** и **догмы** во всех областях духовных решений, и поэтому наш континент с начала нового летосчисления беспрерывно находится в состоянии латентной революции.

То, что мы стали христианами, это наша **судьба**, и это причина для нашей неутомимой работы сопротивления. Наша постоянная культура рождена из сомнения, из критики, из потребности души и духа. Эта культура не может примириться и закончиться, пока мы находимся в состоянии замешательства и **инострannого засилья**. Поэтому нигде нет так много крушений, как в истории Запада. То, что предпринималось до сих пор, было героическими попытками спасти западного человека, **снова связав его с законом космоса**.

Янев говорит о Гегеле: Его «логика» – это больше чем только наука о формах и процессе мышления. Это радость того, кто снова обрел себя, кто вновь при-

шел в себя. Можно назвать это **голосом крови** или пробуждением духа, который арийская раса несет в себе, и который снова и снова начинает кричать, когда он чувствует себя под угрозой, хотя он проявляется только как схема интеллекта, в которой нельзя найти никакого следа того, что мы называем жизнью, временем, случайностью.

*

Невозможно найти от христианской веры путь к познанию цельности жизни человека и всей природы, так как представление о **вечной вине** человека **преграждает** этот путь. Мир остается погребенным в смерти, даже если он преобразуется и хочет удержаться крещением. **Ни** восточный путь милости, ни протестантство или католицизм не могут привести к переживанию совокупности жизни. **Евангелие исходит из предпосылки умственной, душевной и физической бедности и бесправия.**

*

Новая история нашей части света – это история стремления к **преодолению** средиземноморского христианства и **азиатского закона греха.**

Снова и снова «христианский Запад» пытается украсить себя лаврами великих немцев и европейцев, таких, как Бах, Дюрер и много других создателей культуры. Некоторые думают, что такие достижения стали возможны только благодаря христианской религии. Я прошу высокопоставленных христианских священнослужителей назвать **имена сравнимых деятелей культуры** тех стран, которые **произвели нечто похожее после перехода в христианство: В Африке! В Южной Америке и Центральной Америке и где-нибудь еще** в мире!

Это им не удастся! **Германский дух, нордическая душа** говорят из **произведений этих художников!** Они старались внести в христианство некоторые мысли, каковых оно не имело и иметь не может! Эта «религия» – это **искусственное** образование из восточных **сказок, лжи и химер**, которые принадлежат другому жизненному пространству, но ни в коем случае не европейскому!

То, что европейские деятели искусства, создали, например, в архитектуре, выражает жгучее желание возвышенного. Это стремление к ритму поднимающихся ввысь линий, к возвышению над темным царством восточной религии, которая хотела бы внушить людям **вечную** греховность и надеть на них **вечные** цепи. И где миру внушается **вечная** боль и **вечная** жалость ради воображаемого сострадания и поэтому жалкого земного мира. Преодолеть это – вот что **выражает сильное искусство мира земного создателей европейской культуры!**

Все ведет к познанию того, что западноевропейский дух воспринимает труд как благословение. В труде он ищет спокойствие и свет! Заработок – это не первоначальный стимул!

Сегодняшняя Европа живет еще в истории своего проклятия. Поэтому в христианской части света невозможно иное отношение к жизни и какое-либо другое мировоззрение, нежели пессимистичное. **Пессимизм – это истинное оправдание и последствие христианской веры.**

[Шопенгауэр](#) был прав. Всюду он чуял дыхание «Бога», проклятие. Он в своих книгах рисовал безнадежную картину «творения». Он, как никто другой, был потрясен видом ничтожности. Он посмотрел «Богу» в глаза, он узнал его и счел излишним дальше говорить с ним.

Героизм Европы – это аварийный стоп-кран, звуковой сигнал тревоги, чтобы не задохнуться дальше в христианско-азиатском бытии в виновности. Только так возникло не только самое глубокое учение судьбы западноевропейской философии; также корни музыки, языка утешения и торжественного трагического пения, находятся здесь. То, что взбудоражило душу Бетховена – чело- века, который, подобно Шопенгауэру, больше не хотел говорить с Богом по- корно, так как это казалось ему также излишней и бесцельной игрой. Перед нищетой христианского гуманизма и рационализма для него не было никакого другого выхода, кроме царства звуков, создания формы борьбы за подавление бестии проклятия. Здесь обнаруживается **гений Запада, победитель чужого западного Бога.**

Борьба за создание первоначального единства духа и оправдание его возвышенного превосходства над темным беспокойством азиатско-христианского сознания делает Бетховена пророком нового и самовластного западноевропейского человека, носителем прорыва, который он осуществил в себе самом.

Также Гёте жил в царстве изначального. Он никогда не чувствовал бремени всемирной лжи. Он думал и жил так, как будто бы христианство никогда не было создано. Он ничего не должен был добиваться; его глаз был глазом самой природы. Бетховен борется, тогда как Гёте смотрит и восхищается все- ленной. Поэтому Бетховен обременен всей западноевропейской трагичностью. Для Гёте вообще не существовало христианской истории. Он господствовал в Европе и над Европой, он не принадлежал ни к своему времени, ни к какому- нибудь другому времени современного развития, ни к какой догме, и ни к ка- кой церкви, так как он был язычником в самом глубоком смысле самоформи- рования.

Гёльдерлин страдает от груза чувства вины; это самое глубокое переживание, которое вообще знает христианский Запад: Переживание бескрайней пустоты

и бескрайнего бессилия. Вообще мир Гельдерлина – это не конкретная действительность. И его язык уходит корнями в волнение перед возложенной системой мира.

Также [Ницше](#) стоит в центре того же развития, сопротивления германского арийского чувства судьбы против проникновения чужих влияний в Европу и против древнего пустынного Бога; он решился провозгласить окончательную гибель этого Бога.

С ним заканчивается не только история христианства, но и все его варианты и сектантские образования из области умственного помрачения разума европейского мира. Он говорил о себе: «Я воинственен по своей сути. Действие принадлежит к моим инстинктам». И он говорит об истории немецкого духа: «Если когда-то какой-то немец совершил что-то великое, то это произошло по необходимости, в состоянии смелости, стиснутых зубов, самой напряженной осмотрительности».

Поэтому Ницше – это отец прорвавшегося оргазма современного духа, радости жить и бороться в опасности. Этот последний варвар Европы уселся прямо рядом с древним Богом, чтобы пощупать биение его пульса, посмотреть в его глаза, прочесть его совесть. И **он увидел, что этот Бог уже был мертв.**

*

При всем мужестве, с которым он как пионер стоит на духовном фронте Европы, Янко Янев констатирует: **Радикальный переворот не возможен за одну ночь.** Он также не может быть осуществлен только нами, современным поколением. Мы должны опереться на забытое символическое содержание жизни и на ярость творческого инстинкта. Так как мы знаем, что это содержание не было уничтожено полностью. Наши **связанные с природой обычаи нельзя искоренить никаким учением или силой.**

То, в чем Запад нуждается сегодня, это **изначальное** отношение к миру и к жизни и **простое** создание обычаев, которое даст нам почувствовать, что мы **связаны с землей** и с **бескрайней природой, из которой произрастает все живое.** Христианство как раз доказало, что вопреки долговому господству оно не в состоянии решить проблему духовной свободы, так как оно основывается на совсем других «ценностных понятиях». Христианский мир – это не мир между народами, но он – **абстрактный мир во всем мире, утопия** как религиозного, так и политического **анархизма.** Все национальное отрицается христианской метафизикой всемирного государства. **Они отрицают** вместе с тем свою собственную непродуманную, ближневосточно-сказочную, **чуждую природе историю творения.**

Хотя выразители церковного христианства утверждают, что только религия милости якобы заботится о благе народов, что только она могла бы сотворить

справедливость и истину, но тогда я, Янко Янев, спрашиваю, **почему церковь оставалась немой и безразличной в самые тяжелые часы европейской истории, или ничего не предпринимала**, чтобы обеспечить лучшее будущее? Сколько войн предотвратили стражи святого Запада? Что делают церкви, когда миллионы женщин и детей умирают от голода или погибают в войнах? Через церковь христианство отбрасывает свою трансцендентную связанность и вообще превращается в политическую систему власти, в учение господства священников, догматично институционализированного духа над формированием воли человека, над государством и созданиями форм практической жизни вообще. **Церковь грешила гораздо больше, чем скованный первородным грехом человек.**

*

Преодоление науки

Христианство вообще отрицает автономию экзистенциального, что противоположно отношению к миру творческого западноевропейского человека. Мы ищем первопричину всего существующего. Эта **первопричина – народ**. Народ сохраняет и отстаивает сам себя именно как народ, как часть космоса. И это фундаментальный факт: народы не нуждаются в милости, они не ищут избавления. Христианство разрушало организм народов и вследствие этого также их дух. С прорывом нового религиозного нигилизма исчезали обусловленные своим видом и сильные народы.

Наука родилась на чуждом форме Востоке, как христианский гуманизм, интеллект возникли из той же вражды против существования, против живой всемирной первопричины, из которой новая вера восстала против развития первоначальных народных духов. Наука интеллекта в ее настоящей западной форме никогда не приведет к живому, и она никогда не будет в состоянии понять человека в его связанности с миром. После Канта разум обуян жаждой изобретать правила и успокаивается только тогда, если он находит эти правила. Наука изобрела такой разум, который может удовлетворить себя только в абстрактном, и служба которого состоит в том, чтобы устранять **обусловленное видом**. Ариец скорее показывает свою силу в оригинальном творчестве; его честное почтение к жизни не позволяет ему только разбирать на составные части и описывать. Интеллект, господин науки, уничтожает все связанное с сущностью и пробуждающее вид. Человек, который стал только интеллектом, это гримаса дьявола, которую он придумал для себя.

Первой истинной западной наукой была магия, единство представления о Боге и мире, почитание природы, исконно крестьянское нордическое мировоззрение.

Интеллект сам по себе бесполезен, и образование, которое основывается на нем, враждебно культуре. Знающие, современные, ученые больших городов, повелители физики и алхимии понятийного – это самые бездарные люди, воплощение бедности в личном рассмотрении и в готовности к поступку. Сколько поколений **испорчены** «онаучиванием» «индивидуума», сколько молодых людей закончили свое школьное образование с большой душой, с застывшим мышлением, с парализованным телом... Такие люди определяли позже развитие государств и культуры. Еще сегодня они производятся массово, так как западная школа, вопреки «реформам» и «реорганизациям», все еще **чужда природе и национальному** очищенному сознанию. Она по-прежнему еще основывается на **иллюзии**, будто бы образование более ценно, чем жизнь. Лишь совсем недавно идея личности снова прорвалась наружу (1939). Такие революции проводятся, по мнению Янко Янева, только **«простыми»** людьми, **не** профессорами и экономическими теоретиками или психологами. Сегодня просто ученый ничего не значит; он чужд нам точно так же, как духовенство. Понятия без воззрений не только пусты, но они также разлагающе действуют на человека и отрицают революцию; они – **голые догмы**, не силы, которые мы можем назвать идеями или духом, или чем-то подобным.

Все истинное охватывает, так как все, что правдиво, охватывает всего человека. Правда – это что-то сильное, могущественное, она означает выявление скрытых связей между человеком и событием, между светом и расой, между волей и первопричиной мира. Это познание указывает на различие задатков и намерений. Здесь мнения расходятся.

Наука проснувшегося индогерманского сознания жизни не цепляется за кажущиеся образы, а возникла из соединения сознания с экзистенциальным и его изначальным прапорядком. У всего есть корни в ландшафте, в племени, в бессмертии крови.

Есть что-то преступное в этом, когда европейскую молодежь постоянно нагружают абстрактными конструкциями и формулами, чтобы она выглядела «умной».

Это закон исторического развития, что при лишении святости вида, при уничтожении всех таких добродетелей человека судьбы, как смелость, откровенность, благородство, почтение перед личным, принцип пустой формы приходит к господству и вследствие этого также принцип нигилизации первоначального уклада жизни. Европа должна снова пробудить живое; ее молодежь не нуждается ни в каких абстрактных знаниях. Молодежь должна быть вдохновленной; уже при ее вступлении в практическую и социальную жизнь она должна быть охвачена великим чувством судьбы нашей современности. Гораздо лучше получать солдатское воспитание, чем учить латынь. Из ее рядов должны появиться радующиеся борьбе характеры, новые викинги.

Если Европа хочет сохраниться, она должна сооружать новые школы, дворцы вечной молодости. Проблема воспитания и образования является, в конечном счете, проблемой героизма. Воспитание дерзкого и отважного человека во много раз труднее, чем просто образование и накопление знаний. В крестьянстве кроется сегодня единственная оставшаяся живой изначальная сила нашего человечества. Европа не может снова переживать те времена, когда вожди народов целовали пороги церквей. Должны прийти грубые и суровые люди, чтобы история была всемирной мелодией крестьянства, как ее предвидели Гердер и Эрнст Мориц Арндт.

Многие государства погибли, когда исчезли крестьяне. Самые сильные армии распадались, если кровь больше не оставалась чистой и если деревня начала увядать. Крестьянство должно пониматься как живой бастион запада, предназначение которого всегда состояло и будет состоять в том, чтобы защищать силы народа и обновлять их.

С этим процессом **раскрестьянивания** нужно бороться всеми средствами, чтобы сельская община сохранилась. Чем меньше городов, тем чище и перспективнее народ. Чем меньше науки, тем сильнее цветет душа народа...

* * *

Люди, как и народы, смогут существовать только тогда, если они примут к сердцу античную мудрость со своим инстинктом:

Общая польза важнее личной пользы.

Об этом напоминал и этого требовал тысячу лет назад **Фома Аквинский**.

Этим жил и это испытал семьдесят лет назад **немецкий народ**.

Эрих Глагау, 2006



Д-р Янко Янев, доцент философии в Дрезденском техническом университете, выступает с речью на первом европейском конгрессе студентов и добровольцев из всех стран Европы и Японии. 17 апреля 1942 года.



Д-р Янко Янев беседует с рейхсминистром Бернгардом Рустом. Дрезден, 1942 год.

2302
Dresden, den 6. August 1946

Der Dozent und Schriftsteller, Doktor der Philologie Janko Christoff J a n e f f,
wohnhaft in Dresden,
ist am 13./14. Februar 1945 Todesstunde unbekannt - Minuten
in Dresden, Hotel "Prometerschlösschen durch Luftversterben
anruff gefallen.
Der Verstorbene war geboren am 3. Dezember 1900
in Pestera (Bulgarien)

(Standesamt Nr.
Vater: Weinhändler Janeff, Pestera (Bulgarien)
Mutter: - unbekannt -
Der Verstorbene war - nicht - verheiratet mit Lidia Janeff
geborenen Pawloff, wohnhaft in Sofia (Bulgarien).

Eingetragen auf mündliche - schriftliche - Anzeige des Polizeipräsidenten Dresden, vom 8. Juli 1946.
- D - Anzeigende
Vorgelesen, genehmigt und unterschrieben
Der Standesbeamte
In Vertretung: *feinisch*
Todesursache: Durch Luftangriff gefallen.
Erschließung des Verstorbenen am 11.8.29 in Sofia
(Standesamt Nr.

Д-р Янко Янев. Извещение о смерти

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).